

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17743

EDN: TQCBRV



Христианская символика в поэтическом мире Михаила Кукина: символы имени, места и времени

Неда Андрич

*Университет Черногории
(г. Никшич, Черногория)*

e-mail: nedaandric@ucg.ac.me

Аннотация. В данной статье в центре внимания находится поэтическая картина мира Михаила Кукина, насыщенная символами, значимыми для духовного пространства восточного православия, что предполагает особую поэтическую чувствительность и формы мировосприятия, укорененные в традиции классического поэтического высказывания. В книге «Состав земли» (2015) Кукин обращается к осмыслению личного религиозного опыта и отношения человека к Богу. Одновременно введение в поэтическую ткань христианских символов, образов и сюжетов позволяет автору осуществить своеобразную реактуализацию христианского предания в контексте современной культурной ситуации. На материале стихотворений «Стамбул», «Равенна», «Гибнет моя Византия» и «Петр и Павел» рассмотрена христианская символика, присутствующая в поэтическом мире Михаила Кукина. Теоретической основой исследования послужило представление М. М. Бахтина о хронотопе как о форме вхождения в сферу смыслов. Особое внимание уделено пространственно-временной организации поэтического текста, в которой исторические, библейские и литургические образы формируют единую смысловую систему. В статье обосновано, что формирование образа Города в поэзии Кукина коррелирует с семантикой библейских городов: Иерусалим, Вавилон, Ниневия и Небесный Иерусалим. Стамбул и Равенна осмыслены не только как конкретные историко-географические пространства, но и как локусы византийской памяти, духовного падения, ожидания и возможного эсхатологического преображения. Особое место в статье занял анализ литургического восприятия мира, при котором граница между сакральным и повседневным преодолевается, а земная реальность раскрывается как знак более глубокой духовной действительности. В стихотворении «Петр и Павел» исследована художественная трансформация новозаветного сюжета об обращении Савла и его встрече с апостолом Петром. Христианская символика в поэзии Михаила Кукина выполняет не декоративную, а смыслообразующую функцию, позволяя осмыслить проблемы веры, памяти, покаяния, Божественного Промысла, человеческой свободы и эсхатологической надежды.

Ключевые слова: Михаил Кукин, «Состав земли», христианская символика, литургическое восприятие мира, хронотоп, образ Города, Византия, Стамбул, Равенна, Божественный Промысл, эсхатология

Для цитирования: Андрич Неда. Христианская символика в поэтическом мире Михаила Кукина: символы имени, места и времени // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 3. С. 344–359. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17743. EDN: TQCBRV

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17743

EDN: TQCBRV

Christian Symbolism in the Poetic World of Mikhail Kukin: Symbols of Name, Place, and Time

Neda Andrić

*University of Montenegro
(Nikšić, Montenegro)*

e-mail: nedaandric@ucg.ac.me

Abstract This paper analyzes Mikhail Kukin's poetic worldview, which is permeated by symbols central to the spiritual tradition of Eastern Orthodoxy and reflects a distinctive poetic sensibility and modes of perceiving the world rooted in classical poetic tradition. In "The Substance of Earth" (2015), Kukin explores personal religious experience and the relationship between the human being and God. At the same time, by incorporating Christian symbols, images, and narratives into the fabric of his poetry, he reactivates Christian tradition within the contemporary cultural context. Drawing on the poems "Istanbul," "Ravenna," "My Byzantium Is Perishing," and "Peter and Paul," the paper examines the Christian symbolism that shapes Kukin's poetic world. The theoretical framework of the study is based on Mikhail Bakhtin's concept of the chronotope as a form through which one enters the sphere of meaning. Particular attention is devoted to the spatiotemporal organization of the poetic text, in which historical, biblical, and liturgical images form a unified semantic system. The paper argues that the construction of the image of the City in Kukin's poetry correlates with the symbolic meanings associated with the biblical cities of Jerusalem, Babylon, and Nineveh, as well as with the Heavenly Jerusalem. Istanbul and Ravenna are interpreted not merely as concrete historical and geographical spaces, but also as loci of Byzantine memory, spiritual decline, expectation, and possible eschatological transformation. Particular emphasis is placed on the liturgical perception of the world, through which the boundary between the sacred and the profane is transcended and earthly reality is revealed as a sign of a deeper spiritual reality. The analysis of "Peter and Paul" focuses on the poetic transformation of the New Testament

narrative of Saul's conversion and his encounter with the Apostle Peter. Christian symbolism in Mikhail Kukin's poetry serves not a decorative but a meaning-generating function, enabling the poet to address questions of faith, memory, repentance, Divine Providence, human freedom, and eschatological hope.

Keywords: Mikhail Kukin, "The Substance of Earth", Christian symbolism, liturgical perception of the world, chronotope, image of the City, Byzantium, Istanbul, Ravenna, Divine Providence, eschatology

For citation: Andrić Neda. Christian Symbolism in the Poetic World of Mikhail Kukin: Symbols of Name, Place, and Time. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 3, pp. 344–359. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17743. EDN: TQCBVRV (In Russ.)

Михаил Кукин является одним из представителей поэтического объединения «Коньковская школа», сформировавшегося в конце 1990-х гг. и получившего более широкую известность в 2005 г.¹

Исходя из утверждения Михаила Бахтина о том, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [Бахтин: 406], мы обратимся к анализу пространственно-временной организации стихотворений «Стамбул», «Равенна», «Гибнет моя Византия» и «Петр и Павел» из книги стихов Михаила Кукина «Состав земли» (2015).

Семантика реального пространства Стамбула происходит от выражения εἰς τὴν Πόλιν — «в город», где под Городом подразумевался Константинополь², и вводит в цикл из трех стихотворений библейский архетип Города. Тем самым название Стамбул получает дополнительную семантическую глубину: его значение расширяется за счет соотнесения с библейским образом Города и теми смысловыми пластами, которые этот образ в себе включает. В новозаветном тексте Иерусалим именуется Городом (Лк. 19:41) — именно в тот момент, когда Христос оплакивает его грядущую судьбу, поскольку он не узнал «времени посещения своего», того спасительного часа, когда Господь пришел к нему:

¹ О творчестве Михаила Кукина писали: [Анпилов], [Зверева], [Костюков], [Медведева].

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд. М.: Астрель: АСТ, 2004. Т. 3. С. 744.

«И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружат тебя, и стеснят тебя отовсюду и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19:41–44).

Таким образом, непризнание и неприятие Христа влечет за собой гибель города, его разрушение и смерть его детей. Причиной этого непризнания и неприятия Бога становятся нечистота сердца, духовное падение и ожесточение во грехе, а также зависть — прежде всего со стороны тех, кто считался наиболее ревностными хранителями Закона и для кого вера в Бога составляла основу духовной и нравственной жизни.

Иерусалим представляет собой архетип Города и символ места встречи человека с Богом; в сходной логике был задуман своим основателем и Константинополь, который позже был назван Стамбулом: Константинополь стал первым христианским городом, в котором центральное место принадлежало Христу. Однако как Иерусалим не распознает «времени посещения своего» и не узнает своего спасительного часа, так и Константинополь оказывается неспособным сохранить свое первоначальное предназначение; аналогичная судьба постигает и Равенну, которая в определенный исторический период также принадлежала византийской цивилизации. В противоположность этому городу в библейской традиции существует эсхатологический «святой город» (Откр. 21:2) — Небесный Иерусалим, град, в котором народ Божий пребывает в вечном общении с Богом. Константинополь задумывался как город, прообразом которого являлся Небесный Иерусалим и который должен был пребывать до тех пор, пока существуют это небо и эта земля, то есть до скончания века.

Тем не менее в Откровении по отношению к Вавилону также используется существительное «город» — «великий город» (Откр. 17:18), но здесь оно приобретает апокалиптико-символическое значение и обозначает цивилизацию, противостоящую Богу и Его воле. Как отмечает Беда Достопочтенный, раскрывая сущность всякого города:

«Ибо в мире есть два града: один — поднимающийся из бездны, другой — спускающийся с неба»³.

Сама историческая судьба Константинополя свидетельствует о духовном падении его жителей, вследствие чего город все более уподобляется Вавилону: отвергая Господа и Его волю, он начинает жить по собственной воле и собственным желаниям и тем самым оказывается во власти материального рабства, неизбежно влекущего за собой и внешнее порабощение.

В Ветхом Завете в качестве города, вопль о злодеяниях которого достигает Господа, но который при этом способен к покаянию, упоминается Ниневия; по отношению к ней также употребляется наименование «город»:

«Ниневия, город великий» (Ион. 1:2).

Ниневия служит примером того, как покаяние народа способно спасти город, которому была предвозвещена участь разрушения и гибели:

«...и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» (Ион. 3:10).

Константинополю была дана возможность покаяться и тем самым повторить судьбу Ниневии — избежать гибели и спастись от иноверных завоевателей. Однако он не обрел силы для покаяния, вследствие чего ныне предстает лишь как бывшая империя, на развалинах которой обитают уже другие народы, а не те, кто ее созидал. Тем самым в библейском тексте подчеркивается, что необходимым условием проявления Божественной милости является покаяние в совершенных грехах.

В цикле «Стамбул» все перечисленные библейские значения города (Иерусалим — Вавилон, Ниневия и Небесный Иерусалим) объединяются посредством употребления в тексте существительного *Город* и создаваемого образа упадка и разложения:

«Время сочтется сквозь кирпичи, за ворота вывозит повозка
Тех, кто ночью на небо ушел
И уже не вернется»⁴.

³ Беда Венерабилис. Тумачење Апокалипсе. Градац: Alef, 2024. С. 124.

⁴ Кукин М. Ю. Состав земли: [стихотворения]. 2-е изд., испр. М.: Изд-во Н. Филимонова, 2017. С. 14. Далее ссылки на это издание приводятся

Такая сложная символика города формируется в единой пространственно-временной ткани бытия, охватывающей возникновение, историческое пребывание и постепенный распад Константинополя-Стамбула.

В первом стихотворении цикла современность представлена через существительные: *асфальт, шоссе, автобусы, фуры, малолитражки, трамвай, буксир*, тогда как прошлое актуализируется посредством исторических фигур, представленных как индивидуально, так и собирательно через их роль в жизни города и империи: *Константин-основатель, Мехмет-победитель, императоры, святые отцы, поэты*. Им противопоставлен усаженный водитель трамвая, обладающий таким же правом на Город:

«...у него на эту вселенную, с ее куполами и минаретами,
ровно столько же прав,
сколько у тебя, Константин-основатель,
и у тебя, Мехмет-победитель» (курсив наш. — Н. А.)

(Кукин: 12).

Тем самым в стихотворении тонко выражена критика современности, в которой город утрачивает значение Вечного Города, иного, христиански основанного Рима, переставая быть тем, чем являлся на протяжении веков, — *Городом-вселенной*. Поэтому заключительная строка первого стихотворения окрашена мрачным ощущением поэтического субъекта: «*Нет печали предела*».

Благодаря употреблению слова *вселенная* по отношению к этому городу он перерастает рамки конкретного локуса и становится образом упорядоченного мира в целом, который для преодоления сил хаоса должен иметь онтологическое основание. Эту функцию в стихотворении приобретает церковь в Фанаре: во втором стихотворении цикла церковь, в которой находится древняя фреска Иоанна Предтечи, предстает перед нами как сакральное пространство. Несмотря на представленность в тексте всех временных пластов существования города, взгляд Иоанна Предтечи обращен к читателю, здесь и сейчас: «здесь, в церкви» (Кукин: 13), тогда как поэтический субъект наблюдает

в тексте статьи с использованием сокращения *Кукин* и указанием страницы в круглых скобках.

со стороны нашу встречу с Крестителем: «...и древний Предтеча сурово и горько в глаза подошедшим глядит. / Что видит он дальше?» (курсив наш. — Н. А.) (Кукин: 13).

В этот момент границы пространственно-временного континуума стираются: время становится освященным событием, которое лишь намечено в тексте. Данное событие может быть осмыслено как прорыв вечности в эмпирическое время. В стихотворении это достигается посредством строки: «Здесь в церкви особенно слышишь о жаждущих, нищих, гонимых» (Кукин: 13). Речь идет о Заповедях блаженства (Мф. 5:3–12), которые поются после антифонов и перед Малым входом⁵ на Божественной литургии Святого Иоанна Златоуста:

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. <...>
Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. <...>
Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное»
(Мф. 5:3, 6, 10).

Понятие литургического восприятия мира обозначает особый способ восприятия реальности через призму центрального события литургии — Евхаристии. Оно представляет собой не только эстетическое или культурное переживание, но и глубоко укорененную духовную перспективу, в которой мир раскрывается как пространство встречи человека с Богом и предвосхищения эсхатологической полноты бытия. Основная особенность «литургического восприятия мира заключается в осуществлении единства сакрального и повседневного: мир воспринимается как пространство-время, в котором небесное и земное соединяются посредством литургии, повседневность освящается, а напряжение между священным и обыденным преодолевается. Вся полнота реальности становится знаком, указывающим на более глубокую духовную действительность. Мир воспринимается пронизанным благодатью Святого Духа.

Таким образом, литургическое восприятие мира утверждает целостное видение реальности, в котором земное и небесное не противопоставляются друг другу, а воспринимаются в их

⁵ Иоанн Златоуст. Порядок божественной литургии святого отца нашего Иоанна Златоуста // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: [в 12 т.]. СПб.: Санкт-Петербургская духовная акад., 1906. Т. 12. Кн. 1. С. 394–424.

взаимосвязи, позволяющей человеку приобщиться к постижению смысла бытия. Именно в этом ключе Александр Шмеман раскрывает сущность литургического мировосприятия: «Понимание, раскрытие сакраментальности мира, приятия мира как Таинства делает нас сегодняшними свидетелями не только смерти Христовой, но и Его нового пришествия и исполнения в Нем всех вещей» [Шмеман].

Вернемся к фреске Иоанна Предтечи из второго стихотворения цикла «Стамбул» Михаила Кукина: его взгляд исполнен горечи, поскольку Город в ходе истории утратил свое предназначение. Почему это произошло? Ответ на данный вопрос можно обнаружить уже в самом названии поэтической книги «Состав земли»⁶, в которую входит данное стихотворение.

Поэтический субъект в стихотворении «Гибнет моя Византия» подчеркивает, что причиной гибели Византии являются не внешние обстоятельства, а глубокие внутренние изменения человека:

«...не потому, что враги одолели,
а потому что состав земли изменился» (Кукин: 98).

Эта перемена носит качественный характер и относится к сфере ценностей: изменяются жизненные ориентиры, стремления

⁶Первая ассоциация, возникающая у русского читателя в связи с данной синтагмой, — это стих из стихотворения Бориса Пастернака «Вакханалия»: «В плену своих ночных фантазий. // Они не помнят безобразья, / Творившего час назад. / Состав земли не знает грязи. / Все очищает аромат...». Однако речь идет о принципиально различных поэтиках. Поэтика Михаила Кукина отмечена литургическим восприятием мира: не смешивать плотские наслаждения с духовными переживаниями. Он выносит литургическое восприятие мира за пределы храмовых стен; точнее, весь мир становится храмом. Падший мир преображен и очищен Христовой любовью и живет в ожидании своего Творца: «Обычная жизнь, ничуть не страшная, не жестокая, / в ожиданье отца» (Кукин: 37). Хотя такой мир свидетельствует о распаде империй и смертности человека, для поэта смерть является лишь сном до всеобщего воскресения. С этой точки зрения финальное положение стихотворения «Птица сна» в книге «Состав земли» приобретает особую композиционно-смысловую значимость. Борис Пастернак в «Вакханалии» пользуется приемом сближения высокого и низкого, ставит «рядом плотское наслаждение и духовное переживание. Балансируя между полюсами бытового и философского, <...> строит свой стиль на принципе нарастающего чувства вещности и конечности земных наслаждений» [Авербух: 15].

и идеалы. Люди перестают жить ценностями. Те идеалы, ради которых народ был готов приносить любые жертвы, оказываются безвозвратно утраченными, что неизбежно влечет за собой изменение самого человека. Земля становится безвкусной, человек утрачивает соль (Мк. 9:50), и в этом контексте актуализируется евангельское предупреждение:

«Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям» (Мф. 5:13).

В современном мире категория личной выгоды становится доминирующей ценностью, поэтому поэтический субъект, осознающий свою принадлежность к такому обществу, формулирует общую позицию:

«...времена героев прошли,
дураков не осталось» (Кукин: 98).

В контексте всей книги образ современного человека, воплощенный в стихотворении «Гибнет моя Византия», выходит за пределы как российского, так и стамбульского пространственного контекста. Этот образ распространяется и на Равенну, которая в определенный исторический период входила в состав Византийской империи:

«На стертых ступенях сидят,
носят обломки имен,
другие поводы к войнам,
другие напитки,
другие культурные стереотипы —» (Кукин: 8).

Однако современный человек и принадлежащая ему эпоха также оказываются преходящими: из сферы исторической реальности они перемещаются в пространство онирического:

«...но вот уже сами они
и их короли
превращаются в сон» (Кукин: 8).

И в этом стихотворении Михаил Кукин обращается к тому же художественному приему, благодаря которому настоящее и прошлое соединяются в единое пространственно-временное целое. Данный эффект достигается, с одной стороны, через

введение в текст образов поэтических героев, принадлежащих современности (настоящее время): «*На стертых ступенях сидят, / носят обломки имен*» (курсив наш. — Н. А.); с другой — посредством включения в поэтическое пространство мозаик базилики Сан-Витале, на которых изображены византийский император Святой Юстиниан и Святая Феодора со своей свитой как участники Небесной литургии.

Стихотворение состоит из двух смысловых частей, соотносящихся с двумя временными планами: настоящим, воплощенным в образах современных жителей Равенны, и прошлым, представленным изображением базилики и ее мозаичного убранства.

Вовлекая читателя в символический диалог с историческим персонажем, поэт создает условия для размышления о сущности человеческого бытия, а также о судьбах человека и империй. Для реализации этого художественного приема поэт актуализирует исторические фигуры, наделяя их собственным голосом с помощью местоименных форм *наши* и *мы*:

«Входящий! Вглядись в наши лица.

С надеждой мы смотрим вперед.

С надеждой ты смотришь назад» (Кукин: 8).

Прямое обращение к читателю, организованное посредством синтаксического параллелизма, выполняет аксиологическую функцию, актуализируя идею личностного и духовного обновления, одновременно отсылая к системе высших ценностей, определявших культурно-историческую идентичность Византии в период ее расцвета. Данный призыв сопровождается надеждой на то, что заключенный в византийском наследии духовный опыт будет востребован современностью и станет основой для нового осмысления высших ценностей православной традиции.

Святость города как связующего звена между небом и землей актуализируется в сознании читателя в стихотворении «Стамбул» через введение легенды о падении Константинополя следующим вопросом:

«И кто замурован живьем в недосмотренный утренний сон?»
(Кукин: 13)

Согласно греческому преданию позднего происхождения о падении Константинополя, священники, совершавшие Божественную литургию в Святой Софии, скрылись со Святыми Дарами в стене храма и должны вернуться лишь в момент восстановления христианского богослужения. Данное предание относится к кругу «поствизантийских эсхатологических легенд» [Crowley: 274], связанных с коллективной памятью о падении Константинополя.

В поэтическом мире Михаила Кукина ничто не исчезает безвозвратно: все продолжает существовать в пространстве сна вплоть до эсхатологического исполнения времени, когда каждому бытию будет открыт его подлинный смысл.

В «Равенне» мотив связи неба и земли реализуется через эсхатологическую перспективу: подлинный смысл существования не раскрывается в пределах настоящего времени, поскольку все эмпирически существующее со временем «превращается в сон». Вследствие этого смысловой центр стихотворения переносится в сакральное пространство финала (святые лики на мозаиках), в котором временное бытие преодолевается перспективой вечности.

Михаил Кукин актуализирует новозаветный хронотоп в стихотворении «Петр и Павел». Поэтический хронотоп формируется вокруг диалога Петра с Богом, содержанием которого является отношение апостола к Савлу, известному своими гонениями на христиан. Используя прием градации, поэтический герой создает образ Павла в столь резких и экспрессивных тонах, что в конечном итоге за потоком обвинений утрачивается его человеческий облик:

«Буквоед и святоша! <...> Фарисейское семя! Собака! Ублюдок ехидны⁷» (Кукин: 22).

Кукин актуализирует описанный в Деяниях апостолов новозаветный сюжет об обращении Савла Тарсянина на пути в Дамаск, его последующем исцелении и исполнении Святым Духом через возложение рук Анании. В стихотворении представлен и эпизод, лишь кратко упомянутый в Послании

⁷ Ср.: «порождения ехиднины» (Мф. 3:7; 12:34; 23:33). С подобными выражениями Иоанн Креститель и Христос обращаются к фарисеям, саддукеям и книжникам.

к Галатам, связанный с посещением апостолом Павлом Петра в Иерусалиме спустя три года после встречи со Христом:

«Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать» (Гал. 1:18).

Указанное событие описано также в Деяниях апостолов (Деян. 9:26–30).

Кукин сжимает эти пространственно-временные пласты в единое событие, представленное через восприятие апостола Петра. Вся сила Петровой веры и ревности о вере раскрывается в его молитвенном обращении ко Господу, тогда как его слова — «Помоги как-нибудь!» (Кукин: 22) — выражают осознанную крайнюю человеческую беспомощность перед лицом Савла и невозможность уклониться от причиняемого им зла.

Сам ответ Христа, явившегося Павлу на пути в Дамаск, передается не непосредственно, а через создание атмосферы, отсылающей к новозаветному событию:

«Только солнце и белая пыль на дороге» (Кукин: 22).

Однако текст Деяний апостолов передает данный эпизод следующим образом:

«Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» (Деян. 9:3–4).

Художественная трансформация новозаветного сюжета, основанная на сжатии пространственно-временных координат, позволяет автору соединить в едином поэтическом эпизоде диалог апостола Петра с Богом и ответ на его молитвенное обращение. Божественный Промысл остается трудно постижимым для человеческого разума, и в заключительной реплике стихотворения, представляющей собой имплицитный ответ Петра Богу, концентрируется сугубо человеческая реакция на непостижимость Божественного замысла:

«Ну, и как это можно — "пойди, обними брата Павла?"» (Кукин: 22).

Сжатие новозаветного хронотопа в едином поэтическом фрагменте служит средством художественного воплощения

взаимодействия Божественной воли, человеческой свободы и молитвы. Апостол Петр, хоть и просит о чуде, ожидает решения возникшей перед ним проблемы сугубо человеческим способом. В образе Савла он видит прежде всего гонителя христиан и потому предполагает устранение самой угрозы, т. е. устранение человека, ее воплощающего. Если Христос на Кресте обращался к Богу Отцу с молитвой о Своих врагах, то тем самым подобное отношение к врагу задается как нравственно-духовная норма для каждого христианина. Поэтому, несмотря на молитву о чуде, Петр оказывается поражен самим чудом как ответом на свое прошение. В стихотворении чудо присутствует опосредованно — через атмосферу, связанную с событиями на пути в Дамаск, а также через изумление и недоверие апостола Петра перед голосом Божиим, который остается за пределами поэтического текста. Тем самым посредством человеческой логики и человеческой реакции на чудо пространственно-временные рамки произведения расширяются до универсального опыта человека, проявляющегося во все времена. Такой опыт выражается в затрудненности полного принятия чуда, в недоверии к действию Божественного Промысла и в недостатке любви как к Богу, так и к ближнему. Одновременно в этом раскрывается и вера Бога в человека: Павел перед читателем становится уже братом во Христе.

Проведенный анализ позволяет заключить, что христианская символика в поэтическом мире Михаила Кукина не является внешним, декоративным элементом, а выступает глубинным смыслообразующим принципом его поэтики. В стихотворениях «Стамбул», «Равенна», «Гибнет моя Византия» и «Петр и Павел» библейские, литургические и историко-культурные образы организуют художественное пространство текста и определяют его аксиологическую перспективу. Пространство города, историческая память Византии, новозаветные сюжеты и литургическая реальность соединяются в единую поэтическую систему, где земное и небесное, эмпирическое и эсхатологическое сосуществуют как взаимопроникающие планы бытия. Особое значение в рассматриваемых стихотворениях приобретает образ Города, соотносимый одновременно с Иерусалимом, Вавилоном, Ниневией,

Константинополем и Небесным Иерусалимом. Благодаря этому Стамбул и Равенна выходят за пределы конкретных историко-географических локусов и осмысляются как пространства духовной памяти, падения, ожидания и возможного преобразования. Историческая судьба империй в поэтическом мире Кукина раскрывается не только как результат внешних катастроф, но и прежде всего как следствие внутреннего изменения человека, утраты духовных ориентиров и неспособности сохранить первоначальное христианское предназначение мира.

Литургическое восприятие мира выступает как ключ к пониманию поэтики Михаила Кукина. В его стихотворениях повседневная реальность не противопоставляется сакральной, но открывается как пространство, потенциально пронизанное благодатью и обращенное к эсхатологической полноте бытия. В этом контексте фрески, мозаики, храмовые пространства, евангельские цитаты и реминисценции, новозаветные сюжеты становятся знаками более глубокой духовной действительности. Даже распад исторических городов и империй, превращение эмпирического мира в сон не означают полного исчезновения: в поэтической системе Кукина все сохраняется в ожидании исполнения своего окончательного смысла, который может быть раскрыт лишь в перспективе Божественного Промысла.

Новозаветный хронотоп у Кукина связан не только с воспроизведением евангельского сюжета, но и с постановкой универсальной антропологической проблемы. Через образ апостола Петра раскрывается трудность доверия Богу, принятия чуда, непостижимость Божественного замысла для человеческого разума и напряжение между человеческой логикой возмездия и христианской заповедью любви. Тем самым христианская символика в поэзии Кукина становится способом художественного осмысления предельных вопросов человеческого существования: веры, памяти, покаяния, любви, смерти, исторической ответственности и надежды на преобразование мира.

Список литературы

1. Авербух А. Пастернак и Державин: поэтика быта // *Russian Literature*. 2016. Vol. 85. P. 1–22. DOI: 10.1016/J.RUSLIT.2016.09.001. EDN: VKIYKN
2. Анпилов А. Гроза в Коньково (Рец. на кн.: Кукин М. Коньковская школа: стихотворения. М., 2005; Гадаев К. Опыт счастья: стихотворения. М., 2005; [Федоров И.] Стихи Игоря Федорова. М., 2005) // Новое литературное обозрение. 2006. № 6 (82). С. 406–414 [Электронный ресурс]. URL: <https://ruins.magazines.gorky.media/nlo/2006/6/groza-v-konkovo.html> (23.05.2026). EDN: MTDMVH
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
4. Зверева Т. В. «Коль колесо времен свершило полный круг»: Г. Р. Державин и А. С. Пушкин в творческом самосознании Михаила Кукина // Уральский филологический вестник. Сер.: Русская классика: динамика художественных систем. 2016. № 4. С. 5–16 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28159128_89298989.pdf (23.05.2026). EDN: XSFJDV
5. Костюков Л. Попытка счастья // Независимая газета. 2005 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/lit/2005-04-14/4_happyness.html (23.05.2026).
6. Медведева Н. Г. «Благодарность»: этика, эстетика, поэтика: о стихотворении М. Кукина «Недолго, правда, но жил в грузинских горах...» // Кормановские чтения: ст. и мат-лы Межвуз. науч. конф. (Ижевск, 7–8 апреля 2016 г.). Ижевск: УдГУ, 2016. Вып. 15. С. 348–357. EDN: ZHFSGX
7. Шмеман А., протопресвитер. Церковь, мир, миссия: мысли о православии на Западе. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. богосл. ин-та, 1996 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/tserkov-mir-missija/11 (23.05.2026).
8. Crowley R. Constantinople. The Last Great Siege 1453. London: Faber and Faber, 2005. 304 p.

References

1. Averbukh A. Pasternak and Derzhavin: The Poetics of the Everyday. In: *Russian Literature*, 2016, vol. 85, pp. 1–22. DOI: 10.1016/J.RUSLIT.2016.09.001. EDN: VKIYKN (In Russ.)
2. Anpilov A. A Thunderstorm in Konkovo (Book Review: Kukin M. The Konkovo School: Poems. Moscow, 2005; Gadaev K. The Experience of Happiness: Poems. Moscow, 2005; Fedorov I. Poems by Igor Fedorov. Moscow, 2005). In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2006, no. 6 (82), pp. 406–414. Available at: <https://ruins.magazines.gorky.media/nlo/2006/6/groza-v-konkovo.html> (accessed on May 23, 2026). EDN: MTDMVH (In Russ.)
3. Bakhtin M. M. Forms of Time and the Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics. In: *Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Bakhtin M. M. Questions of Literature and Aesthetics:

- Studies of Different Years*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russ.)
4. Zvereva T. V. “If the Wheel of Times Has Made a Cycle”: G. R. Derzhavin and A. S. Pushkin in Michael Kukin’s Creative Consciousness. In: *Ural’skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem* [Ural Journal of Philology. Series: Russian Classic: The Dynamics of Artistic Systems], 2016, no. 4, pp. 5–16. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28159128_89298989.pdf (accessed on May 23, 2026). EDN: XSFJDV (In Russ.)
 5. Kostyukov L. An Attempt at Happiness. In: *Nezavisimaya gazeta*, 2005. Available at: https://www.ng.ru/lit/2005-04-14/4_happyness.html (accessed on May 23, 2026). (In Russ.)
 6. Medvedeva N. G. “Gratitude”: Ethics, Aesthetics, Poetics: On M. Kukin’s Poem “Not for Long, True, but I Lived in the Georgian Mountains...”. In: *Kormanovskie chteniya: stat’i i materialy Mezhhvuzovskoy nauchnoy konferentsii* (Izhevsk, 7–8 aprelya 2016 g.) [Kormans Readings: Articles and Materials of the Inter-University Scientific Conference (Izhevsk, April 7–8, 2016)]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2016, issue 15, pp. 348–357. EDN: ZHFSGX (In Russ.)
 7. Shmeman A., Protopresbyter. *Tserkov’, mir, missiya: mysli o pravoslavii na Zapade* [Church, World, Mission: Reflecyions on Orthodoxy in the West]. Moscow, St. Tikhon’s Orthodox Theological Institute Publ., 1996. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/tserkov-mir-missija/11 (accessed on May 23, 2026). (In Russ.)
 8. Crowley R. *Constantinople. The Last Great Siege 1453*. London, Faber and Faber Publ., 2005. 304 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрич Неда, доктор филологических наук, профессор филологического факультета, Университет Черногории (ул. Даниила Бойовича, г. Никшич, Черногория, 81400); ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-8167-1696>; e-mail: nedaandric@ucg.ac.me.

Neda Andrić, PhD (Philology), Professor of the Faculty of Philology, University of Montenegro (Danila Bojovića bb, Nikšić, 81400, Montenegro); ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-8167-1696>; e-mail: nedaandric@ucg.ac.me.

Поступила в редакцию / Received 10.06.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.08.2026

Принята к публикации / Accepted 17.08.2026

Дата публикации / Date of publication 18.09.2026